

"Прощай!"

Много лет назад Григорий Поженян назвал так свой фильм, действие которого разворачивается в годы Великой Отечественной на Черном море.

В этой работе, на мой взгляд, сполна реализовался основной принцип классицизма: единство времени, места действия и характера героя. А еще — эту ленту сегодня можно смело отнести к авторскому кино, хотя сорок лет назад ни искусствоведы, ни сам автор такого термина не знали. Поженян — хотя и не был профессиональным кинематографистом — не только написал сценарий и тексты песен,

но блестяще справился с ролью режиссера-постановщика.

Он был одарен во всем. И в цирковом деле (в трудном отрочестве зарабатывал на хлеб "верхним" в труппе акробатов), и в боксе (курсантом военно-морского училища стал чемпионом Черноморского флота в весе "перышка"), и в ратном труде (начал войну матросом-разведчиком, закончил капитан-лейтенантом, командиром группы спецназа), и в поэтическом (его сборники — на золотой полке российской словесности)...

Предложение-перечисление получилось длинным, но и оно не вместило всех достоинств и особенностей Григория Михайловича. Пожалуй, лучше всего прибегнуть к сравнению. По убеждению друзей, поклонников и поклонниц, Григорий Поженян был удивительно схож с героем первой Отечественной войны 1812 года, поэтом и воином Денисом Давыдовым. И отвагой, при этом не только в бою (на миру и смерть красна...), но и в обыденной жизни. Он бил морду стукачам в литинституте, несколько раз становился невыездым и непечатаемым за то, что отказывался участвовать в травле диссидентов и подписывал письма в их защиту... Да и умением очаровывать барышень и дам гусарский полковник и каплей-черноморец отличались смолоду и до поздних седин...

Поженян сражался и на Черном море, и на Северном, на Дунае и на

многих участках театра военных действий, участвовал в диверсионных операциях, о которых не рассказывал нам даже во время дружеских застолий. Они случались в дни круглых и не только годовщин Победы, когда он приезжал в наш город. Ему были бы рады, его ждали в Севастополе и Рыбачьем, Москве и Керчи, но Григорий Михайлович выбирал Одессу, может быть потому, что здесь началась его легендарная фронтовая судьба. Он рассказал о своей юности в еще одном замечательном фильме — "Жажда". О том, как в знойном августе 1941-го отряд флотских разведчиков взял штурмом Беляевскую насосную станцию и на несколько часов дал воду осажденной Одессе. Мама рассказывала, как набирала ее в ведра, кастрюли, плошки и затем несколько дней поила меня — полуторагодовалого...

Разведчики базировались в здании холодильного института — Пастера, 27. На мемориальной доске выбиты фамилии бойцов, и среди них — Григорий Поженян. Об этом его стихи:

Это было — трижды десять —
тридцать с лишним
лет назад.
В южной солнечной Одессе
шел по улице отряд...

Удивительное совпадение — мистика цифр...

Поженян написал эти строки в 1971 году, когда отмечалось 30-летие начала обороны Одессы. Он был почетным гостем города и впервые читал балладу об Отряде на обрывистом склоне вблизи Мемориала 411-ой батареи. Тогда он удостоил меня своей дружбы и подарил сборник с этим стихотворением...

И вот вновь прошли "трижды десять — тридцать с лишним лет"...

Сентябрь 2005 года стал последним в долгой жизни Григория Михайловича. Удивительно, но и в XXI веке он оставался не просто классиком и ветераном, но блистательным, востребованным поэтом и благородным гражданином.

Свидетельство тому — его страстные и полные убедительного пафоса

выступления в защиту памяти героев Великой Отечественной, русского языка и культуры.

Свидетельство тому — стихи, которые он за год до Ухода подарил нашему альманаху, членом редакционного совета которого был с первых номеров:

Так издавна заведено
под нашим непреклонным небом:
одним — всегда рождаться хлебом,
другим — молоть его зерно.
Но все старанья не пусты.
Жить можно и без одобренья.
Хватило б сил и прямоты,
и краткой жизни для прозренья.

Много лет Григорий Михайлович жил и работал в Переделкино, откуда в Одессу приходили бандероли со стихами, новые сборники, его письма — удивительно сердечные, но и с вполне заслуженной мною ехидцей...

В 1960 году на похоронах опального Бориса Пастернака Григорий Поженян положил на его грудь стихи, написанные в этот день.

В 2005-м ученик упокоился на одном Погосте с учителем.

Феликс КОХРИХТ

